

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Н.Д. КОНДРАТЬЕВ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Макашева Н.А.

(Москва)

В статье рассматривается позиция Н.Д. Кондратьева по проблеме сущного и должного в экономической науке в контексте истории этой проблемы в русской и зарубежной экономической мысли первой четверти XX в. и в связи с современным состоянием экономической науки у нас в стране.

Изучение истории идей есть необходимая предпосылка свободы мышления. Я не знаю, что делает человека более консервативным: знание только настоящего или только прошлого.

Дж.М. Кейнс

Если Россия уже дала миру так много в области искусства, музыки и художественной литературы, то в области науки и, в частности, экономической науки она почти еще только выступает на историческую сцену, и ей предстоит еще дать многое.

Н.Д. Кондратьев

Ученым, внесшим большой вклад в отечественную и мировую науку, был, несомненно, и сам Н.Д. Кондратьев, 100-летие со дня рождения которого исполняется в этом году. Он вполне заслуживает той оценки, которую дал своему учителю — М.И. Туган-Барановскому: "Он стал не только в уровень с эпохой, не только с научно-экономической мыслью передовых стран, но он мог содействовать прогрессу ее, и в силу этого он больше, чем кто-либо, способствовал тому, чтобы поставить русскую экономическую науку в ряд с европейскими" [1, с. 25].

Активная научная деятельность Н.Д. Кондратьева совпала с периодом радикальных социальных потрясений и преобразований. Он не только стремился понять суть происходящих процессов как ученый, но был их активным участником, сохранив верность науке и тогда, когда это казалось невозможным.

Юбилей ученого, который отмечается научной общественностью многих стран мира, где он известен прежде всего как основоположник теории больших циклов, пришелся на очень сложное для нашей страны время. По значимости и напряженности социально-экономических и политических изменений, по сдвигам в системе ценностей и общественном сознании оно может быть сравнимо с драматической эпохой, в которую жил ученый.

Возможно, события, которые мы сегодня наблюдаем и смысл которых пытаемся постичь, знаменуют начало нового длительного этапа развития, известного как большая, или кондратьевская, волна. Еще совсем недавно ученые, анализирующие эконо-

мическую динамику с позиций теории длинных волн, были в некотором замешательстве, поскольку затруднялись назвать социальные катаклизмы, "достойные" отметить грандиозную поворотную точку*. Теперь недостатка в них нет. Разумеется, вряд ли это можно считать доказательством истинности теории, но есть нечто символическое в том, что столетие ученого отмечается именно в этот период.

Мы являемся свидетелями не только ломки системы, формирование основ которой наблюдал Н.Д. Кондратьев, но и кризиса отечественной экономической науки. Очевидно, что наша наука так и не совершила того прорыва, о котором с надеждой писал Н.Д. Кондратьев. Она не только не вышла на историческую сцену, но и утратила ту духовную связь с мировой наукой, которую имела. Более того, сейчас не заметно признаков формирования чего-либо принципиально нового и оригинального.

Обращаясь сегодня к наследию Н.Д. Кондратьева, мы не должны искать в нем прямых подсказок или подтверждения сетований типа: вот, если бы послушались, то были бы благополучны. Нужно относиться к этому наследию как к интеллектуальной ценности, как свидетельству развития научной мысли в определенном социально-историческом контексте. При этом следует иметь в виду, что мы имеем дело не с какой-то единой, законченной теорией, а с работами по различным проблемам, большая часть которых отражает поиск ученым собственной концепции.

Не умаляя значения сделанного Н.Д. Кондратьевым в решении таких важных практических вопросов, как аграрный или планирования народного хозяйства, подчеркнем, что с точки зрения эволюции экономической науки наиболее интересны его искания в области ее методологии, поиски контуров новой теории. То, что эти искания не получили или почти не получили конкретного законченного выражения и проявляются как некий общий контекст, как неявные ответы на обсуждаемые в мировой науке вопросы, не умаляет их важности, но лишь усложняет нашу задачу. Речь идет о выяснении позиции Н.Д. Кондратьева в отношении того, какой должна быть экономическая наука, каким образом ее практическая направленность может и должна сочетаться с теоретической обоснованностью, социальная ориентированность — с объективностью.

Н.Д. Кондратьев не только активно использовал современный для того времени научный инструментарий, разработанный западными экономистами (достаточно вспомнить принцип равновесия и предложенную А. Маршаллом идею временного равновесия как последовательности равновесных состояний различного уровня, зависящих от характера определяющих их экономических процессов), но и фактически откликнулся на продолжавшуюся многие годы дискуссию о методологии экономической науки**. В связи с этим необходимо кратко охарактеризовать методологические принципы, которые, хотя и очень условно, можно считать господствующими в первой четверти XX в.

Это был период фактического становления современной западной экономической теории, разработки универсального научного инструментария и утверждения принципов, которые до сих пор лежат в основе экономического анализа. Достаточно указать на принцип экономического равновесия, маржиналистский подход и т. д. Именно в

*В вышедшей несколько лет назад работе по истории циклического развития США [2] американский экономист Н. Магер, обсуждая вопрос о социальных сдвигах, связанных с ходом кондратьевской волны, отмечал, что в настоящее время большие войны, по-видимому, потеряли свое значение как особая форма разрешения накопившихся за период большого цикла социально-экономических и политических противоречий. Он высказал предположение, что начало новой волны цикла Кондратьева будет сопровождаться ростом терроризма, локальными войнами, а, возможно и усилением таких мирных процессов, как движение за ядерное разоружение или чистоту окружающей среды.

Таким образом, даже в 1986—1987 гг. невозможно было представить, что мир стоит на пороге радикальных сдвигов в Восточной Европе, изменений в расстановке сил в мире, объединения Германии, а также, быть может, и других событий, о которых мы пока не подозреваем.

**Дискуссия на эту тему не прекращается и сегодня. С особой силой она вспыхивала в кризисные для экономической науки годы, когда господствовавшая ранее парадигма обнаруживала свою несостоятельность, и активизировались поиски новой. В настоящее время можно говорить о движении к синтезу этики, теории культуры и экономической теории (см. например, [3]).

этот период, благодаря работам таких выдающихся экономистов, как К. Менгер, Ф. Визер, В. Парето, А. Маршалл, были заложены основы неоклассической теории. Экономическая наука в качестве самостоятельной дисциплины была определена в строгом позитивистском смысле. Хотя почти все эти ученые касались социальной проблематики и никто из них не отрицал существования бедности, безработицы и т. д., они строго различали научный анализ и социальную практику, считали, что наука должна быть этически нейтральной, т. е. искать ответы на вопрос "что есть", а не "что должно быть" ¹*

В теоретико-методологическом плане этой позиции соответствовал принцип методологического индивидуализма, или атомизма, а в социально-политическом и идеологическом — крайний либерализм с его идеями невмешательства в экономику. Если рассматривать этот период с точки зрения методологии, то его можно назвать движением от "Кейнса к Кейнсу".

В 1891 г. Дж.Н. Кейнс — философ и экономист, отец знаменитого экономиста Дж.М. Кейнса — сформулировал основные методологические принципы: своеобразный манифест позитивной экономической науки. "Функция политической экономии, — писал он, — состоит в анализе фактов и установлении того, что они означают, а не в предписывании правил жизни. Экономические законы представляют собой теоремы, а не практические указания. Другими словами, политическая экономия — это наука, а не искусство или часть этики... Она дает информацию о вероятных последствиях тех или иных действий, но не моральные оценки, т. е. не говорит о том, что должно быть и чего не должно быть.

В то же время большое значение имеет практическое применение экономической науки, и экономист, конечно, должен обращать внимание на эту сторону, но уже не как экономист, а как социальный философ, который, будучи экономистом, обладает определенными и необходимыми для этого теоретическими знаниями. Если это различие установлено, то меньше вероятность того, что жизненно важным социальным и этическим проблемам не будет уделено должного внимания" [5, с. 13].

Добавим, что главным объектом анализа такая чистая политическая экономия считала "экономического человека", а главным мотивом его поведения, и следовательно, своей основной темой — увеличение богатства. Именно рост богатства был положен в основу критерия экономической эффективности. Конечно, такая позиция не предполагала абсолютизации теоретического знания — эмпирическая проверка исходных гипотез и полученных логическим путем выводов не исключалась; неизменным было требование логической строгости и этической нейтральности.

Во второй половине 1920-х годов Дж.М. Кейнс поставил под сомнение подобные методологические принципы. Он признал за экономической наукой право на моральные оценки и, более того, определил ее как часть этики. Он полагал, что экономическая наука должна облегчить продвижение общества к цивилизованному состоянию, указав способ создания необходимых для этого материальных предпосылок. При этом он подчеркивал необходимость того, чтобы усилия, направленные на увеличение материального благосостояния, не вступали в конфликт с основной целью: цивилизованное состояние по Кейнсу — это не просто богатство, "рай сытости" (об опасности которого, впрочем, совершенно напрасно предостерегали русские религиозные мыслители), а состояние, когда добро, а не польза (т. е. мотив увеличения богатства) является главной движущей силой общества [6].

Такой радикальный сдвиг представлений о сущности науки и ее целях сопровождал-

*Было бы, конечно, неверно понимать это так, что никто из основоположников неоклассики не отступал от принципов этической нейтральности экономической науки. Так, крупнейший представитель маржинализма в США Дж.Б. Кларк [4] признавал (впрочем, не без влияния исторической школы), что общество представляет собой не сумму индивидов, а организм. Он считал, что законы экономики непосредственно связаны с системой моральных ценностей, принятых в обществе, признавал в качестве "законной" ту часть экономической науки, которая увязана с социальной проблематикой; наконец, он предложил разграничивать экономическую статику и динамику.

ся и пересмотром ряда теоретических положений, отражался на используемом инструментарии. На первый план выдвинулся макроэкономический подход.

Можно спорить, являются ли практическая ориентация науки и макроэкономический подход связанными между собой напрямую, но исторически эта связь существует; и она проявилась в 1920-е годы и в России. Не пройдя периода "объективности", т. е. ориентации на теоретические исследования в указанном Дж.Н. Кейнсом смысле, и можно сказать даже, не пережив важного этапа накопления чисто теоретического знания, разработки соответствующего инструментария, наконец, формирования научного экономического мировоззрения, отечественная наука оказалась в ситуации, когда ее практическая ориентация не только стала еще более выраженной, чем ранее, но оказалась подчиненной политико-идеологическим установкам.

Если сущность науки понимается не в строгом позитивистском смысле и допускается проникновение в нее нормативных элементов, всегда возникают вопросы о целях и средствах, субъективном и объективном знании и т. д., решение которых, по существу, не может быть найдено *a priori*. В этом случае особое значение приобретает практически найденная сбалансированность между объективным знанием и целью, с одной стороны, и целью и средствами ее достижения, с другой. В конечном счете именно эта методологическая проблема стала для отечественной науки особенно важной в указанный период; и большая часть работ Н.Д. Кондратьева свидетельствует о том, что она его интересовала и он пытался выразить к ней свое отношение при рассмотрении целого ряда вопросов (например, о предвидении, о макроэкономических пропорциях и пр.).

Но прежде чем мы попытаемся выяснить позицию ученого по данной проблеме, нам придется сделать еще одно отступление, чтобы понять, каким традициям русской экономической мысли он остался верен, а что считал неприемлемым. Речь идет прежде всего об исторической школе (см., например, [7]), которая, с точки зрения метода, представляла собой альтернативу англо-американской традиции. Значение исторической школы состояло кроме всего и в том, что она впервые открыто поставила вопрос о роли этического элемента в экономической науке и в отличие от классической школы признала влияние общественного идеала на экономическую науку, исторически обусловленный характер последней [8].

Именно историческая школа с ее национально-государственным подходом к хозяйству и озабоченностью моральным аспектом хозяйственной жизни оказала наиболее сильное влияние на русскую экономическую мысль конца прошлого — начала нынешнего века*.

Существует множество причин этого: и идея соборности, характерная для русского национального сознания, предполагающая, что личность является и ощущает себя частью целого и подчиняет свои интересы ему, и особенности политического устройства и, наконец, то, что российский капитализм (так же, как и немецкий) нуждался в активной поддержке государства, и ряд других факторов. Однако для нас важно то, что экономическая наука в России понималась прежде всего как наука моральная, как некий инструмент решения социальных, национальных и прочих проблем. Это присуще не только тем направлениям, которые были непосредственно связаны с исторической школой, как, например, катедер-социализм (в России его представляли И.И. Янжул, И.И. Иванов, П.П. Мигулин) или государственная экономия в духе С.Ю. Витте**, но и тем, кто принципиально расходился с ней или даже находился в оппозиции к этой школе.

*Это не означает, что маржинализм и неоклассическая парадигма в целом не привлекала внимания русских экономистов. Еще в конце прошлого века М.И. Туган-Барановский познакомил русского читателя с основными идеями теории предельной полезности (см. [9]), а впоследствии попытался соединить принципы маржинализма с положениями трудовой теории стоимости. За активное использование математического инструментария в экономическом анализе выступал, например, В.К. Дмитриев.

**"Политическая экономия, — писал С.Ю. Витте, — должна принимать идею национальности за точку отправления и поучать, каким образом данная нация... может сохранять и улучшать свое экономическое положение" [10, с. 35].

Здесь можно назвать и религиозный социализм С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева, и легальный марксизм М.И. Туган-Барановского, и даже ортодоксальный марксизм. Различия между ними состояли не в том, допустима ли категория должного в политэкономии, а в том, что за ней стоит, какая именно этическая позиция положена в основу. Для С.Н. Булгакова такой основой была православная этика. И даже теоретико-познавательная функция политэкономии определялась с учетом религиозного характера хозяйственной деятельности, того, что каждый человек руководствуется не только стремлением к обогащению, но моральными, религиозными установками. Задачу политэкономии С.Н. Булгаков понимал как выяснение внутренней связи различных сторон этой деятельности, а ее практическую направленность (в том числе отношение к собственности, капитализму и социализму) — в соответствии с задачей освобождения граждан от "природной бедности и социальной неволи" [11, с. 367—368]. Причем решение социально-экономических проблем не могло быть, по мнению С.Н. Булгакова, найдено а priori, вне конкретного исторического контекста [12].

М.И. Туган-Барановский пришел к необходимости категории должного в политической экономии под влиянием философии И. Канта и неокантианства, с одной стороны, и субъективной школы в социологии (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, позднее Н.И. Кареев, В.М. Чернов), с другой. Опираясь на идею этической основы понятий и верховной ценности человеческой личности, он стремился к такой политэкономии, которая бы примирила противоположные интересы, поднялась бы над ними и тем самым стала бы общей теорией экономических процессов в их историческом развитии. Одним из конкретных проявлений такого подхода была его попытка соединить теорию стоимости с теорией полезности и разработать на их основе универсальную экономическую теорию*.

Идеи М.И. Туган-Барановского и поиски им основ новой политэкономии, без сомнения, оказали огромное влияние на научное мировоззрение Н.Д. Кондратьева (в связи с этим следует назвать также одного из наиболее заметных сторонников кантианства в области философии истории А.С. Лаппо-Данилевского и социолога позитивистской ориентации М.М. Ковалевского). Влияние, разумеется, означает не столько принятие точки зрения, сколько заинтересованность в определенном круге проблем.

Нет сомнения в том, что Н.Д. Кондратьев не принял методологический подход М.И. Туган-Барановского. Он, в частности, писал: "Ни стремление распространить принцип телеологического образования понятий на все науки, ни попытку положить в основание конструирования, в частности, социально-экономических наук, еще более шаткую этическую практическую идею нельзя признать у М.И. (М.И. Туган-Барановского — Н.М.) научно-обоснованными" [1, с. 5]. Более того, можно утверждать, что в отличие от своего учителя Н.Д. Кондратьев был гораздо менее ориентирован на изучение отвлеченных проблем, в том числе связанных с философией науки и социальными преобразованиями в их широкой постановке. Закономерно, что из богатого научного наследия М.И. Туган-Барановского Н.Д. Кондратьеву ближе всего были работы, посвященные циклам и кризисам.

Возможно, ориентация на конкретные проблемы отражала специфику политико- и

*Идея нравственного базиса политической экономии тесно связана с представлениями М.И. Туган-Барановского о движущих силах социальных преобразований. В отличие от ортодоксальных марксистов, сводивших все к объективным экономическим процессам, М.И. Туган-Барановский важную роль отводил нравственному чувству. Он утверждал, что конец капитализма будет связан не с исчерпанием возможностей его экономического роста — он высоко оценивал его экономический потенциал, а с осознанием обществом неприемлемости с нравственной точки зрения его социальных сторон. Эта позиция, кажущаяся сегодня едва ли не наивно-мечтательной, в действительности не столь беспочвенна и наивна. Во всяком случае он был не одинок. Достаточно вспомнить Дж.М. Кейнса и его идею воздействовать на экономические процессы, опираясь на некоторый нравственный консенсус в обществе [13]. И какие бы упреки ни были высказаны в адрес Дж.М. Кейнса, не может быть поставлен под сомнение тот факт, что его идеи, и в частности, о необходимости соотношения экономической политики с нравственными критериями, оказали огромное влияние на ход экономического развития в XX в.

социально-экономической ситуации в России во время и особенно после революции. Характеризуя этот период, один из западных исследователей русской экономической мысли писал: "Это было время преувеличений и упрямого догматизма; но экономические условия требовали не теоретизирования, а действий, не абстрактных рассуждений о планировании, а самого планирования; проблемы ставились уже не только в области теории, но и на практике, и речь шла о самосохранении, обеспеченности хлебом, пусть и без масла, о существовании нации и ее независимости. В итоге изменился характер русской экономической науки" [14, с. 122]. Новый стиль науки, сформировавшийся в этот период, можно назвать экономическим конструктивизмом. Но, возможно, именно практика постоянно требовала от ученых, пусть и в неявном виде, ответа на вопросы, относящиеся к области "высокой теории" в том числе сочетания практического и теоретического знания, категорий сущного и должного. Какими бы оторванными от реальности они ни казались, в условиях активного воздействия на социально-экономические процессы при решении практических проблем, экономисты выражали свое отношение к этим вопросам. И Н.Д. Кондратьев не был исключением. Его позиция проступает во многих работах, но прямо она сформулирована в последнем из известных его произведений [8]. Суть ее сводится к следующему:

обыденное сознание пронизано суждениями долженствования, которые в конечном счете опираются на некоторые бесспорные этические нормы (и как таковые они могут быть предметом изучения социальной науки);

"взгляд на действительность под категорией должного, находящий свое выражение в суждении истинности, по самому существу своему пропитан духом активности, духом стремления изменить действительность, перестроить ее" [8, с. 258];

разработка научных суждений и ценностей — принципиально неразрешимая задача, но в то же время сама наука опирается на некие ценностные ориентиры, которые можно, хотя и не очень точно, назвать общественным идеалом; она пронизана категориями должного, что однако не исключает выполнение ею познавательной функции;

необходимо разграничивать теоретическую и практическую точки зрения и осознавать роль нормативного элемента в экономической теории независимо от того, что она может выступать как этически нейтральная;

борьба между различными направлениями и школами в политэкономии вызвана не столько различиями в теоретических выводах и исходных предпосылках, сколько в различном понимании общественного идеала.

Итак, ученый, во-первых, признавал неизбежным влияние общественного идеала на экономическую науку, особенно в той ее части, которая непосредственно ориентирована на задачи политики; во-вторых, исходил из марксовой идеи об активном воздействии на социально-экономические процессы, а, следовательно, неизбежно оказывался перед проблемой формулирования более конкретных целей социально-экономического развития, соответствующих общественному идеалу, а также перед необходимостью определения путей достижения этих целей. Именно с точки зрения последней задачи первостепенное значение приобретает теоретическое знание.

Н.Д. Кондратьев был активным приверженцем идеи социального преобразования действительности, в этом вопросе он полностью следовал социалистической традиции и опирался на мировоззрение, которое многие годы спустя Ф. Хайек назвал "философией конструктивизма", или "конструктивистским рационализмом" [15]. Достаточно напомнить о позиции Н.Д. Кондратьева относительно радикальных социалистических преобразований в сельском хозяйстве, ликвидации частной собственности, активной роли государства в осуществлении соответствующих преобразований (см., например, [16]). Об этом он писал в период революции. Не менее явные свидетельства приверженности ученого идее сознательного воздействия и даже руководства социальной действительностью можно найти в более поздних работах. Так, в [17], объясняя значение прогноза, он не ограничивается указанием на него как на средство проверки научных теорий, а подчеркивает его роль в деле разработки мер практического воздействия на среду с целью "изменения и улучшения все той же социально-экономической жизни". Более того, Н.Д. Кондратьев в целом поддерживал идею "овладения стихийными си-

лами социально-экономической жизни и подчинения ее сознательному, планомерно-му руководству со стороны государства" [17, с. 23].

Признание неизбежности принятия какой-либо ценностной установки влечет за собой проблему соответствия общей цели конкретным задачам экономической политики. Эта проблема имеет и другую сегодня, пожалуй, особенно важную сторону — сочетание экономической эффективности и социальной направленности. Было бы наивно полагать, что между ними нет никакого противоречия или, напротив, что имеются противоречия такого рода, когда компромисс невозможен. Жизнь показала, что компромисс всегда каким-либо образом достигается, и вопрос лишь в том, кто берет на себя подобное решение. Дж.М. Кейнс, например, надеялся на интеллектуальную элиту, которая может быть выразителем некоторого существующего в обществе нравственного консенсуса, а также способна предугадывать новые тенденции в системе ценностей в обществе. После революции в России эту функцию взяла на себя партийная элита, которая определяла конкретное содержание ближайших целей. В принципе, когда речь идет о некотором "активном долженствовании", т. е. о стремлении приблизить реальность к идеалу, проблема выбираемого пути всегда остается, но решить ее, исходя из теоретических соображений, т. е. на строго научной основе в принципе невозможно.

Вместе с тем, в экономической науке существует достаточно обширная область исследований, не связанная с социальными ориентациями и оценками. Для Н.Д. Кондратьева такими темами были: конъюнктура, большие и малые циклы (напомним, что теория больших циклов была предложена как объяснение закономерностей, полученных индуктивным обобщением статистических данных), прогнозирование, народнохозяйственные пропорции, отчасти организация сельскохозяйственного производства. Что касается последнего, то здесь анализ столь тесно переплетался с практическими вопросами экономической политики, что грань между теорией и практикой была весьма условной. Более или менее определенно можно утверждать, что в 1920-е годы основной задачей экономической политики Н.Д. Кондратьев считал повышение производительности труда и рост объема производства, т. е. задачи, которые можно отнести к чисто экономическим. С позиций экономической эффективности (но с учетом конкретных условий) он подходил к вопросу о выборе организационных форм сельского хозяйства, а также о темпах и пропорциях народного хозяйства.

Он полагал, что анализ многих процессов можно вести вне каких-либо социальных и политических установок. Однако выбор определенных с его помощью альтернативных путей развития уже нельзя делать, не выходя за рамки чистой науки в плоскость практической политики, где действуют свои критерии. "Когда мы переходим от позитивного исследования к заключениям экономической политики, — писал ученый в 1917 г., — мы должны руководствоваться какой-то задачей, которую мы хотим преследовать этой политикой. Необходимо при этом, чтобы эта задача была рациональна. И вот с этой точки зрения я думал бы, что общеобязательной задачей экономической политики явилось бы следующее: рациональными являются только те меры экономической политики, которые, с одной стороны, приводили бы к повышению производительности, или по крайней мере, не приводили бы к понижению ее. Наконец, меры эти должны удовлетворить требованиям справедливости (подчеркнуто мною — Н.М.)... При этом предполагается, что задача справедливости не приходит в столкновение с задачей производительности" [18, с. 22].

Идею приоритетности принципа экономической эффективности Н.Д. Кондратьев отстаивал и в 1920-е годы. С этих позиций он рассматривал проблему организации сельскохозяйственного производства, в том числе соотношения кооперативного и индивидуального секторов, отношения к процессу дифференциации в деревне, проблему распределения доходов между сельским и городским населением и т. д. Можно высказать и более общее соображение, что отношение ученого к рынку также определялось соображениями экономической эффективности. Так, обсуждая проблему дифференциации деревни, он связывал этот процесс с рыночным механизмом и видел в нем причину роста производительности и ускорения развития производительных сил

страны в целом, поэтому признавал, что дифференциация — это путь, которым в конк-ретных условиях придется идти [19].

Следует заметить, что подобный инструментальный подход к рынку (с точки зрения экономической эффективности), даже если он допускает широкие возможности развития рыночного механизма, существенно отличается от либерального, сторонники которого рассматривают рынок как сформировавшийся в ходе естественной эволюции общества институт, существование которого не нуждается ни в каком оправдании.

Вопрос о выборе конкретных мероприятий экономической политики, даже когда в отношении конечных целей имеется полная ясность, — очень сложный и тонкий. Поскольку предпринимаемые правительством меры воздействуют на окружающую социальную среду, на людей, которые принимают решения, и на тех, на кого они направлены, Н.Д. Кондратьев придавал особое значение компетенции стоящих у власти, их способности соотносить желаемое и возможное, правильно формулировать конкретные задачи в соответствии с более общими политическими, социальными и прочими установками.

Именно выявление области реально возможного и составляло, по мнению Н.Д. Кондратьева, задачу науки (вспомним его позицию в полемике о первом пятилетнем плане и о приемлемых ориентирах темпов экономического роста, когда он говорил о сбалансированности как необходимом условии устойчивого роста [20]), определяло практическую значимость теоретических исследований, до некоторой степени оправдывало их.

Такой инструментальный подход был характерен для многих ученых, принадлежащих к тому же поколению, что и Н.Д. Кондратьев. Однако его научное наследие в целом свидетельствует не только о том, что при подобном подходе к науке остается достаточный простор для теоретических исследований (вспомним его работы по проблемам циклов и конъюнктуры), но и о возможности изменения самой этой методологической позиции. Разработанный ученым план его научных исследований, та его часть, которая была реализована в виде работы "Основные проблемы экономической статистики и динамики", а также выдержки из книги о тренде дают основания предположить, что в силу ряда причин ученый отошел от философии социального конструктивизма, сводящей роль науки к инструменту экономической политики, и сделал упор на разработку теоретического, позитивного знания об экономической системе в ее динамике.

Почему произошел подобный сдвиг? Этот вопрос требует специального рассматривания, выходящего за рамки данной статьи, а, вероятно, и экономической тематики как таковой. Нельзя исключить, что здесь сыграло роль то, что утратила свою привлекательность идея активного вмешательства в экономику, во всяком случае, под сомнение была поставлена возможность сохранения баланса между экономической эффективностью и политической ориентацией. Когда экономическая политика полностью подчинена политическим целям, влияние на нее науки практически невозможно. Более того, сама наука деформируется, сужается область исследований вне категории должного, в конечном счете, она утрачивает познавательную функцию. Может быть, именно осознание того, что наука принесена в жертву политике, укрепило представление ученого о необходимости разграничения теоретической и практической точек зрения и в то же время побудило его сосредоточиться на теоретических исследованиях.

Н.Д. Кондратьев сделал лишь первые шаги в разработке научного инструментария и определения общих методологических контуров будущей науки, ориентированной прежде всего на позитивное знание. Стиль и характер его работ позволяют говорить о некотором их внутреннем родстве с исследованиями, осуществлявшимися в рамках западной экономической науки примерно в тот же период, который, благодаря Дж. Шэклу, известен как "период высокой теории". "Высокая теория" — вот направление, которое своими последними исследованиями определил для себя и будущей науки Н.Д. Кондратьев.

Сегодня, когда наша экономическая наука вновь оказалась на перепутье, когда старая парадигма отброшена, а новая не определена, совершенно особое значение при-

обращают проблемы методологии. Абстрактное теоретизирование, составлявшее суть политэкономических исследований в течение ряда десятилетий, вызывает столь же естественное неприятие, как и идеологические догмы, лежащие в их основе. Причем последние были вредны не только из-за своего содержания как такового, но и потому, что исключали возможность иного базиса экономической теории. Этот фундамент разрушен. Однако сохраняется опасность того, что новые ценностные ориентиры, которые формируются, получают статус единственно возможных, а экономическая наука опять не сможет дистанцироваться от политики. Предостережением против этого являются не только теоретические изыскания Н.Д. Кондратьева, но и его судьба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев Н.Д. М.И. Туган-Барановский (Основные черты научного мировоззрения). Пг.: Колос, 1923.
2. Mager N. The Kondratieff Waves. N.Y., 1987.
3. Koslowski P. Prinzipien der Ethischen Ökonomie. Tübingen, 1988.
4. Clark J.B. The Distribution of Wealth. N.Y., 1899.
5. Keynes J.N. The Scope and the Method of Political Economy. L., 1891.
6. Keynes J.M. Letter to Prof. R. Harrod // Collected Writings of J.M. Keynes. V. 14. L., 1989.
7. Чупров А.И. История политической экономии от средних веков до исторической школы. М.: Изд-во Сабашникова, 1918.
8. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. М.: Наука, 1991.
9. Туган-Барановский М.И. Учение о предельной полезности хозяйственных благ // Юридический вестник. 1890. Т. 6. Кн. 2.
10. Витте С.Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист. Киев, 1889.
11. Булгаков С.Н. Православие. Р., 1965.
12. Булгаков С.М. "Идеализм" и общественные программы // Новый путь. 1904. № 10-12.
13. Keynes J.M. Letter to Prof. F. Hayek 28.6.44 // Collected Writings of J.M. Keynes. V. 27. L., 1989.
14. Norman J. The Spirit of Russian Economic Thought. L., 1946.
15. Hayek F. The Fatal Conceit. L., 1988.
16. Кондратьев Н.Д. Аграрный вопрос: о земле и земельных порядках. М.: Университетская библиотека, 1917.
17. Кондратьев Н.Д. Проблема предвидения // Вопр. конъюнктуры. 1926. Т. 2. Вып. 1.
18. Кондратьев Н.Д., Макаров Н.П. О крупно-крестьянских хозяйствах // Тр. комис. по подготовке земельной реформы. Вып. 2. Пг., 1917.
19. Кондратьев Н.Д. К вопросу о дифференциации деревни // Пути сельского хоз-ва. 1927. № 5.
20. Кондратьев Н.Д. Критические заметки // План. хоз-во. 1924. № 4 (переиздано в: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989).

Поступила в редакцию
22 XI 1991